

Таким образом, сборник «Сезон» является наглядным примером глубокого лиризма, выраженного посредством натуралистического, «исповедального» языка, в котором нашли свое уникальное отражение одни из самых востребованных тем мировой поэзии и который составляет важную часть культурного наследия Польши второй половины XX в.

Примечания

¹ *Nawrocki M.* Tego się naucz każdy, kto dotykasz próżni: rzecz o poezji Stanisława Grochowiaka. Kraków: Wydawn. Arcana, 2007. S. 186–188. Здесь и далее перевод мой. — Я. Б.

² *Fostowicz M.* Mięso nieśmiertelności, [w:] *Który jest. Rafał Wojaczek w oczach przyjaciół, krytyków i badaczy*, pod red. R. Cudaka i M. Maleckiego, Katowice. 2001. S. 207.

³ *Rafał Wojaczek.* Sezon. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1969. S. 56–57.

⁴ *Kolbus E.* Z dziejów krucjaty, której nie było, [w:] *tegoż, Kaskaderzy literatury. O twórczości i legendzie Andrzeja Bursy, Marka Hłaski, Haliny Poświatowskiej, Edwarda Stachury, Ryszarda Milczewskiego–Bruna, Rafała Wojaczka.* Łódź, 1986. S. 377.

⁵ *Рембо А.* Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М., 1982. С. 183.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.3

С. С. Шершнева

Память о сталинской эпохе в художественной культуре позднего социализма: снятие табу (на материале «Дома на набережной» Ю. Трифонова и «Человека из мрамора» А. Вайды)

В своей книге «Кривое горе» историк Александр Эткинд вводит понятие «миметическое горе» и определяет его как «реакцию на потерю, которая символически воспроизводит саму потерю»¹. Исследователь продолжает: «Идут года, поколения сменяют друг друга, и миметическое горе перемещается все дальше в виртуальные пространства искусства,

музыки, театра, литературы, а впоследствии — в кино, телешоу и социальные сети². По мнению Эткинда, в Восточной Европе «мягкие» формы памяти (роман, фильмы, споры о прошлом) преобладают над «твердыми» (монументы, мемориалы и музеи)³.

В художественной культуре поздних СССР и Польши два автора создали важнейшие поэтические репрезентации катастрофического прошлого — это прозаик Юрий Трифонов и режиссер Анджей Вайда. Примечательно, что отцы обоих были репрессированы в 1930-х гг. В повести «Дом на набережной» и фильме «Человек из мрамора» было снято табу на дискуссию о сталинизме в художественной культуре. Однако текст и кинотекст объединяет не только историческая и социокультурная роль. Согласно польскому критику Рене Щлизовскому, прозу Трифонова можно сопоставить с фильмами Кшиштофа Занусси. Его, как и Вайду, относят к течению «кино морального беспокойства», существовавшему в 1970-е гг. Время действия (от «сталинизма» до «застоя») и особенности композиции (нарушенная фабула и «ретроспективный» взгляд) могут свидетельствовать об общности в том числе поэтики «Дома на набережной» и «Человека из мрамора».

В докладе преследуются следующие задачи: определить механизмы функционирования «миметического горя» в тексте Трифонова и кинотексте Вайды, а также выяснить, могли ли формальные совпадения в повести и фильме быть обусловлены общими функциями этих механизмов.

Таким образом, в настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотрения исторической памяти о сталинизме в сравнительной перспективе: с одной стороны — в литературе и кинематографе, с другой — в разных, но схожих общественно-политических ситуациях (советской и польской).

Примечания

¹ Эткинд А.М. Кривое горе. Память о непогребенных. М., 2017. С. 10–11.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 226.